

ГРЕХ

Наталья Николаевна Кравцова родилась в посёлке Домбаровский Оренбургской области. По образованию – финансист. Работала в банковской сфере, органах народного образования. Публиковалась в журналах «Гостинный Дворъ», «Парус», «Проспект», «Волга – XXI век», «Нижний Новгород», «Южная звезда» и др.; альманахе «Земляки», в сборниках издательства «АСТ», на интернет-сайтах. Лауреат литературных конкурсов «Листья дуба», «Дорогами нашей Победы. 1941-1945», «Оренбургские таланты» и др. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» им. Диаса Валеева в номинации «имя». Живёт в посёлке Домбаровский.

Январь – году начало, вре-
мя планов и надежд, ожидания
чуда. Хорошо бы на пороге ново-
го года на минутку задержаться,
оглянуться на прожитое, что-то
исправить, кого-то согреть, ко-
му-то протянуть руку помощи.
Человеку для счастья не так уж
много нужно...

Когда-то давно в одном по-
сёлке жил солнечный мальчик
Витечка. Шли годы, но он не
взрослел, смотрел на людей
удивлёнными глазами ребёнка,
ждал от них только добра. А слу-
чалось по-всякому... После смер-
ти мамы его опекал местный ба-
тюшка, а Витя, как мог, помогал
православному приходу, работая
по мере сил и возможностей.

Как рано темнеет зимой, и
мороз к вечеру лютый. Впрочем,
январь как январь... Крещен-
ские морозы покрепче будут,
тогда уж вовсе не захочется на
улицу выходить.

Алька долго рассматривала торты за стеклянной витриной. Наконец, выбрала медовый и, прихватив по пути две булки хлеба, пошла рассчитывать. «Для дня рожденья достаточно. Ещё пирог испечём, как бабушка любила», — подумалось ей. У самого выхода из магазина замешкалась, пересчитала мелочь, как раз на две булочки с изюмом. Им с мамой хватит, а больше всё равно нет, забрала последние. Так вдруг захотелось выпить тёплого молока со сдобой.

Чем ближе бабушкин день рожденья, тем Альке становилось грустнее: совсем недавно не стало её, доброй, родной, бесконечно дорогой. Вот сейчас бы она нагрянула с покупками и подарком, бабуля затеяла бы ставить тесто на пироги, а с утра в доме пахло бы вкусностями и Алькиным детством. Они наготовили бы, накрыли на стол и ждали маму с работы, а потом — праздновали, праздновали, праздновали. А ровно через неделю — день рожденья Альки, бабушкин черёд придумать подарок и сказать главный тост в честь внучки. Какой трудный был год, високосный. Новый будет лучше. Непременно. Просто хуже уже некуда, им с мамой больше некого и нечего терять...

— Здравствуйте! — в магазин ввалился крепенький мужичок, до самых глаз замотанный в шарф, со смешно торчащими

«ушками» потрёпанной шапки-ушанки. Должно быть, только что их развязал перед входом в магазин. Мужчина шумно отряхнул снег со старого полушубка, размотал вязанный шарф, ещё раз громко поздоровался. Его голос показался Альке знакомым. Это же Витечка!

— Здравствуй, Витя! — вежливо ответила женщина-продавец. — Замерз?

— Замерз! — Витя обрадовался, что ему ответили, сдвинул шапку набок, освобождая ухо, после чего вынул из тряпичной сумки алюминиевый бидончик, протянул продавщице и принялся обстоятельно рассказывать, что закончились хлебушек и молоко, а иначе он бы не пошёл в магазин ночью.

— Лишь бы деньги не закончились, — еле слышно пробормотала продавщица, зачерпывая из большого бидона жидкое, синеватого цвета молоко, наполнила Витин бидончик до самых краёв. — Крышку не забыл? Обрати аккуратнo иди, не торопись, чтобы не поскользнуться, молоко не разлить.

— Витя не торопится. Витя не прольёт, — заверил Витечка не то добрую, участливую продавщицу, не то самого себя. Взял с прилавка буханку белого хлеба, скользнул взглядом по тортам, поискал глазами что-то ещё. Не увидев, вздохнул. Потянулся было за батоном, но брать не стал. Растерянно обернулся:

— Тётя Валя! Булочки где?

— Нет булок. Раскупили. Раньше надо было приходиться, днём.

Круглые навывкате Витины глаза погрустнели.

— Днём работал. Снег кидал. Много снега. Витя хочет булочку с молоком.

— Батон возьми. Без изюма, правда, но вкусный, — предложила продавщица.

Расстроенный покупатель помотал головой, зашептал что-то, достал кошелек и передал его тёте Вале. Та высыпала монеты на прилавок, отсчитала, сколько нужно, остальное сложила обратно и вернула Вите:

— Спрячь в карман поглубже. Не оброни свой кошель.

...Алька топталась на пороге магазина, дожидаясь, пока Витя рассчитается, положит хлеб в сумку, спрячет кошелек в карман штанов, поднимет воротник полушубка, поверх намотает шарф, опустит «ушки» шапки, завяжет их под подбородком, наденет рукавицы, попрощается с продавцом.

Тётя Валя, занятая уже с другим покупателем, кивает Витечке, знает, что иначе он не уйдёт, будет стоять и ждать, пока она ответит.

— Здравствуй, Витя, — Алька с трудом проговаривает первые слова. — Ты булочки хотел. Возьми. Помяни мою бабушку,

тётю Таню. Помнишь её?.. Почему ты здесь, Витечка? Где живёшь? С кем?

Витя в серой армейской шапке-ушанке ничего не слышит, но протянутые Алькой булочки берёт. Улыбается широко-широко. Оглядывается на тётю Валу, видит ли она его счастье.

— Девочка, раз ты его знаешь, отведи домой, донеси молоко, — поручает Альке сердобольная продавщица. — Он живёт недалеко, на первой улице от магазина, в бараке. Комнатку ему дали, как мать померла.

«Задразнят... — неожиданное беспокойство наваливается, бьётся в Алькиной голове, перекрывает дыхание. — Задразнят, если увидят!» И тут же приходит спасительная мысль, что Витечке — в другую сторону, и Альке делать круг ни к чему — вон какая темень на улице, и мороз крепчает с каждой минутой... Но смалодушничать нельзя, бабушка бы этого не простила.

Так они и уходят: Алька — с тортом и молоком, Витя — нагруженный хлебом. Даже если свалится ненароком, ничего страшного не случится. Альку он не узнаёт, но принимает за старшую, послушно идёт рядом.

Дверь в его комнату не заперта. Витечка долго обметает веником снег с валенок, своих и Алькиных, развязывает шапку, снимает шарф, расстёгивает

полушубок. Берёт, наконец, бидончик с молоком из Алькиных рук, поднимает глаза, силится её вспомнить. Не узнаёт. Сникает. Готов заплакать.

— Витечка, — ласково говорит Алька, именно так всегда разговаривала с Витей её бабушка. — Я внучка тёти Тани. Она жила на одной улице с твоей мамой.

— Мама, — круглое Витино лицо расплывается в добродушной улыбке. — Мама...

— Я давно тебя знаю, Витя. Ты ходил в магазин мимо нашего дома, всегда подходил к бабушке, здоровался. Ты хороший, вежливый. Помнишь тётю Таню?

— Витя хороший, — соглашается Витечка. И это всё, что он понял из Алькиных слов.

А она всё не уходит. Ей надо это сказать, надо. Даже если он не поймёт. Будет ли другой случай повиниться? Неспроста всё это... В бабушкин день рождения Витечка тут как тут... через столько лет.

— Мы такие были дураки, — Алька запинаясь, глотая слёзы. — Играли с пацанами. Я у бабушки катушку стащила. Нитки белые. Сороковка. Через дорогу их натянули, как струны, привязали к заборам с обеих сторон, а ты попался. Мама твоя тогда заболела, и вам кто-то предложил парного молока, вечернего. Ты поэтому не как обычно днём шёл из магазина, а возвращался на велосипеде потемну. Бидончик

с молоком дребезжал, на руль надетый. А тут мы с мальчишками... Ты упал тогда с велика... Нитки-то порвались — никто и не понял, почему ты упал. Молоко разлилось посреди дороги. На молочную лужу сбежались собаки. Ты так плакал... В голос... Мальчишки спрятались, а я с тобой осталась. Ты большой парень, а я маленькая, четыре года. Тоже ревела. Бабушка вышла, тебя успокоила, помнишь? И мне слёзы утёрла. Добрая она была. Зорькино молоко в твой бидончик налила, тёплое, только-только надоила и ещё не успела через сепаратор перепустить. Мы тебя тогда до дома проводили, молоко донесли, а ты велик за руль вёл. Нельзя по темноте ездить с молоком на руле. Но тебе очень нужно было для мамы, она болела.

— Мамы нет, — вспоминает вдруг своё горе Витечка. Но не плачет, а улыбается, на душе потеплело: мама его любила, всегда любила.

— Мама тебя любила, на то она и мама, — вздыхает Алька. — Умерла, и дом, наверно, продали, раз ты живёшь здесь. Есть ведь родственники, наследники, кроме тебя. Бабушка говорила, что божьего человека обижать грех. Бог накажет. Прости нас, Витечка, если сможешь. Прости, пожалуйста. Помяни мою бабушку, тётю Таню. День рождения у неё завтра. Хочешь, я тебе половинку торта отрежу? Или

весь оставлю. Он вкусный. Будешь есть всю неделю, по кусочку. Возьми, Витечка, торт. Ты, наверно, такой и не пробовал никогда.

— Торт, — улыбается Витя ласковому голосу и хорошему новому слову. — Торт...

— Ну, будь здоров! Я пойду. Припозднилась. Мама дома волнуется. До свидания, — прощается Алька и с лёгким сердцем шагает в темноту.

На улице морозно. Тяжело дышать. Она укутывает нос

шарфом, надевает на голову капюшон, прикрывает лицо рукой в белой пушистой рукавичке. Бабушка когда-то связала для её вечно мерзнущих пальцев. И ещё вторые — пуховые, вовнутрь.

— До свиданья, мама! — несётся ей вслед громкий голос Вити.

Алька оборачивается. Дверь в барак не закрыта. На пороге своей комнатки стоит взрослый вечный мальчик, обнимающий коробку с тортом. Инопланетянин. Божий человек.